

Нам не дано предугадать...*

Была ранняя осень, хотя по погоде похоже было на лето. Ранняя осень 1974 года, Армения, Ереван. Я уже почти месяц в этой командировке. Что-то она затянулась. Когда меня назначали главным инженером проекта по радиорелейной линии связи газопровода Казах — Ереван, я не думал, что в этом проекте будет такое море проблем. Трасса проходила по территории Армении и Азербайджана через города Севан и Иджеван, но весь прикол состоял в том, что это была горная трасса. Для ускорения процесса я приехал вместе с изыскателями, и мне необходимо было срочно выдать им задание на месте — люди простаивали. А тут, оказалось, заказчик еще не согласовал направление трассы с землепользователями. Я понял, что деваться некуда, и стал заниматься этим сам вместе с заказчиком, в лице которого выступало местное газотранспортное управление.

Дали мне представителя, машину с водителем, и мы поехали. Сначала я думал все вопросы решить максимум за два-три дня, но все оказалось не так просто. Мало того, что вокруг были высокие горы, так еще и жили в них люди разных национальностей, говорящие на разных языках. Армяне, курды, азербайджанцы, езиды, ассирийцы и другие. Все они отличались широким гостеприимством, и приезд представителей из центра рассматривали, прежде всего, как повод выпить и закусить.

Кроме того, нам еще нужно было суметь объяснить, чего мы от них хотим. К счастью, наш водитель говорил на всех местных языках. Он-то все и объяснял. Как я понял, ни в одном из этих языков не было понятия "радиорелейная линия". Поэтому я обычно внимательно прислушивался к длинной, цветистой и непонятной речи, и как только слышал громко и с пафосом произнесенное слово "радиорелейка", сразу же раскладывал на столе карту. На карте была нанесена наша трасса, а рядом нужно было поставить подпись и печать. Местный начальник, обычно ничего не спрашивая, доставал из кармана завинчивающуюся печать, ставил оттиск и рисовал от руки нечто вроде маленького пейзажа (это означало подпись). По всей видимости, величина и художественность ее были предме-

* Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Ф.И. Тютчев, 27 февраля 1869 г.

том особой гордости местной администрации, поэтому скоро на карте свободного места не осталось, и мы стали ставить все это на обороте, что имело уже вообще чисто символический характер.

Но зато потом... Потом наступало самое интересное. Начальник широким жестом приглашал нас перекусить, вносился коньяк (обычно ведрами), чача (обычно бутылками) и мясо с зеленью (обычно на больших подносах).

Мы были не сильно избалованы скудным пайком советского инженера, когда за курицей нужно было стоять в очереди, а тут такая жизнь.

В общем, больше одной поездки в день не получалось.

В конце концов, я стал посылать вместо себя более закаленных в питье изыскателей, а сам начал искать для себя более интеллектуальные проблемы. И нашел. Оказалось, что нам еще и радиочастоты не выделили. Я занялся этим — и вот: стою на ереванском вокзале, и мне нужно ехать ночным поездом в Тбилиси, чтобы согласовать выделенные частоты с руководством военного округа.

Как давно, все-таки, это было! Сейчас ведь на этой территории давно уже разные страны, и сколько между ними проблем, в том числе и военных...

Ну да ладно, стою я перед кассой и думаю, на какой поезд брать билеты. Через полчаса уходит скорый поезд; он приходит в Тбилиси в шесть утра, но в нем нет спальных вагонов. Через два часа уходит пассажирский поезд; он приходит в девять утра, и в нем спальный вагон есть.

Думаю: "Нужно ехать скорым, а то ведь можно за день не успеть. Так уже к восьми утра буду у военных. Есть шанс вечером вернуться назад. Да, но ведь спать придется сидя в кресле, а я сидя не сплю, а тут поспать можно. Что тебе до этого сна? Главное — быстрее назад". Протягиваю в кассу деньги и говорю: "На скорый до Тбилиси, один билет, пожалуйста". Но в этот момент все во мне возмутилось. "Мало того, что ты уже месяц здесь торчишь, — накричал на меня внутренний голос, — так еще и не спать! Да гори огнем все это! Пусть будет два дня. В конце концов, "солдат спит, служба идет". Бери на пассажирский".

"Извините, на пассажирский", — поправился я, решив не спорить с агрессивным внутренним голосом. Кассирша что-то недовольно проворчала, но, тем не менее, исправно выдала мне билет в спальный вагон пассажирского поезда до столицы Грузинской ССР г. Тбилиси. Времени до отхода еще оставалось много, я плотно перекусил в привокзальной столовой и зашел в вагон. Было уже темно, стучали колеса, и хотелось спать. Я расстелил постель и погрузился в спокойный сон, не обращая внимания на выпивавших попутчиков.

Проснулся я от ощущения странной тишины. Глянул на часы — десятого утра (эх, хорошо я тогда спал!). Первая мысль: "Проспал". Вторая: "Странно, а почему проводник не разбудил?". В купе никого не было. Я осторожно выглянул в окно. Поезд стоял в совершенно незнакомой местности. Вокруг горы, покрытые лесом. Что такое? Быстро одевшись, я пошел разбираться. Весь народ толпился у насыпи. Никто ничего не знает, но стоим уже давно, еще с ночи. Простояли мы еще часа три, а потом тронулись. И метров через пятьсот мы увидели тот самый скорый поезд. Он лежал далеко внизу на дне глубокого ущелья, раскатанный в плоский лист. "Оползень, — тихо сказал побледневший до синевы проводник. — Очень много жертв". И тихо добавил: "Почти все, может быть, совсем все".

Мы ехали вдоль реки Аракс, по которой проходила граница. С другой стороны была турецкая территория. На горизонте отчетливо проступал гигантский конус библейской горы Арарат.

С той стороны границы, менее чем в километре от нее, показались руины большого города. "Ани*", — прошептал старик армянин, стоящий рядом со мной. — Ани — древняя столица Армении". И добавил: "Поезд всегда идет ночью вдоль границы. Никто не хочет, чтобы мы видели это: наш древний край, разрушенный пожаром и насилием". Он говорил как бы сам с собой, губы его не шевелились, но слова были слышны совершенно отчетливо: "Пятилетним ребенком я шел по этому скорбному пути. Родителей уже не было. Отца убили на месте ножом, когда он пытался защитить свой дом. Мать убили разбойники курды, когда мы бежали через горы. Я дошел вместе со стариками, дальними родственниками, которые остались живы, потому что брать у них было нечего. И вот я опять вижу этот скорбный путь, и я еще жив".

Он присел в проходе на откидной стульчик и замолчал. "А что было после этого?" — спросил я его минут через пять. "После чего?" — он испуганно посмотрел на меня. "Ну, вот вы говорили о скорбном пути". — "Я говорил? Молодой человек, я ничего не говорил. Правда, я думал, не знаю, может быть, вслух". И он опять замолчал.

Молчали и мы. А что было говорить, мы только что проехали мимо своей и чужой судьбы.

Судьба и случайность, их соотношение в жизни человека, возможность изменить судьбу своим поведением — эти вопросы всегда волновали меня. От ответов как бы зависела практическая линия поведения: вос-

* Ани — столица государства Багратидов с 961 года н. э.; в 1064 захвачен и разрушен турками-сельджуками.

принимать ли стоически испытания и удары судьбы, считая их неизбежными, или активно переустраивать мир, свое окружение, самому определять свой путь в жизни. Возможно, было и сочетание того и другого. Как быть?

В конечном итоге эти вопросы несли в своей основе понятие свободы воли.

Как следует из священных книг, Создатель дал человеку свободу воли, но обязал при этом исполнять определенные правила.

Вот вам и соотношение свободы и предопределенности. Остальное решать каждому для себя. Сам для себя решил, сам за себя и ответил. Люди очень давно задумывались над этими основополагающими вопросами. По свидетельству Иосифа Флавия* еще в 150 г. до н. э., в эпоху расцвета династии Маккавеев возникли три основные древнееврейские религиозно-философские школы: саддукеи, фарисеи и ессеи, которые по-разному трактовали понятие свободы воли. Саддукеи признавали абсолютную свободу воли и считали, что судьба человека полностью определяется его поступками; ессеи все приписывали предопределению; фарисеи же считали, что между свободой действия и предопределением существует некоторое соотношение, которое и формирует судьбу.

Практика — критерий истины. С тех пор прошло много времени, но и сейчас все основные философские направления придерживаются именно этого толкования свободы воли. Как видите, истина всегда посредине. Вот только насколько посредине?

В той ситуации, которую я изложил, от моей жизненной позиции не зависело ровным счетом ничего. Разве что "внутренний голос"? Возможно, это и была неосознанная позиция. Известно ведь, что на рейсы с плохой судьбой всегда больше передумавших и опоздавших, чем на те, что проходят без приключений. А так, внешне: заснул, проснулся, и все уже произошло без тебя.

Казалось бы — ложись на судьбу, и все неприятности пройдут сами собой. Однако сколько других примеров я видел в жизни! Мы все подсудно чувствуем наличие судьбы. Но также подсознательно мы ощущаем возможность ее корректировки нашими действиями, в определенных пределах, разумеется.

У евреев говорят, что "Бог не забывает о тех, кто помнит о себе сам". Есть и аналогичная русская поговорка: "На Бога надейся, а сам не пло-

* Иосиф Флавий. "Иудейские древности".

шай". Наверное, эта тема существует и в языках других народов. Специально не изучал, но как-то уверен в этом. В жизни же случаи и того, и другого встречаются довольно часто.

Как-то в 80-х годах был я в альплагере Баксан. Лагерь находится в долине реки Юсеньга (правый приток реки Баксан). Собирались мы пройти через перевал Бечо в Сванетию, а пока акклиматизировались, тренировались. В основном, отрабатывали страховку: охранение через крюк и через ледоруб. Вкратце: через крюк — это на стенках и очень крутых склонах, а через ледоруб — на снежных и фирновых склонах. Так вот, всегда я стремился лишний крюк забить и веревку потолще взять. Казалось мне, что "запас карман не тянет". Сколько критики возникало при этом в мой адрес! Однако два раза в жизни были у меня случаи, когда основной крюк со свистом вылетал из гнезда, и оба раза я был довольно высоко над землей. Так что, не разговаривать бы нам сейчас...

Случилось мне однажды в другое время видеть, как камнепад перебил веревку альпинисту, висевшему на высоте метров сто над землей. Их двое на стене было. Верхний так и замер на месте, получил камнем по каске, но остался жив и даже сам спустился. А вот нижний — качнулся вправо под выступ, голову прикрыл, но веревка натянулась на краю выступа, и камень перерезал ее, как бритвой. Судьба...

Перед выходом в Сванетию двух альпинистов-новичков и одного поопытнее послали на маленьком грузовичке за продуктами. Они ехали в кузове по узкой обледенелой дороге над горной речкой. Косогор был метров пять, не более. На повороте грузовичок занесло, и он стал падать набок в сторону реки. Двух новичков выбросило из кузова прямо в ледяную воду, они даже не успели среагировать. Один ушибся, другой сломал ключицу. А вот тот, кто поопытнее, — среагировать успел. Он схватился за борт и прыгнул на откос. Грузовик упал на него... Поход пришлось отменить — нужно было обеспечить доставку пострадавших. Но одному из них помощь уже была не нужна.

Жизнь уникальна. По крайней мере, мы так думаем. Если бы, как у кошки, девять жизней, то можно было бы попробовать разные варианты. А так, всегда играешь ва-банк.

Утешением для храбрых была вера древних скандинавов в Валгаллу. Воин, павший в бою, попадал в небесный чертог, где каждый день облачался в доспехи и рубился насмерть, затем воскресал и пировал с другими воинами, а ночью веселился с прекрасными девами. И так каждый день до последней битвы Рагнарек, когда падут все боги и герои и не воскреснут

больше никогда. Как видите, даже здесь все было не навсегда, да и ничего не говорилось о женщинах и павших не в бою. Впрочем, если считать, что наш путь — это постоянный бой, и главным врагом ты себе являешься сам, тогда все понятней.

Жизнь неоднократно ставила передо мной проблемы судьбоносного выбора. Я принимал решения как мог, на основе приобретенных знаний, веря в счастливую судьбу и в соответствии со своим миропониманием. Хорошо ли, плохо ли получилось в результате, — судить не мне. По крайней мере, процесс еще идет, и это утешает.

1973 год, я в командировке в Калмыкии и Астраханской области. Большая машина — ГАЗ-66 с будкой, два изыскателя и я. Да, еще представитель местного подразделения газодобывающего управления присутствовал. С ним-то все неприятности и произошли. Район неблагополучен по холере. Это мне местный врач санитарно-эпидемиологической службы сообщил. Он у нас в комиссию входил по выбору площадки под строительство технологического объекта. По работе отъехали мы километров на двести от крупных населенных пунктов. Лето, жара. Памятуя о заразе, взял я с собой ящик минеральной воды, ее пил, ею же и умывался. Но местный представитель относился к этому с презрением. "Ничего не будет, — говорит, — всю жизнь здесь живу". И надо же, именно с ним и произошло. Источник встретился по дороге, оборудованный, для того чтобы скот поить. Так он из него то ли напился, то ли умылся, — сейчас уже трудно определить. Часа через четыре у него и началось. Рассказывать подробнее не стоит, выглядело это ужасно — текло отовсюду. И главное, он худел прямо на глазах, черты лица заострились, глаза запали. Никогда бы не поверил, что человек за два-три часа может потерять столько жидкости. Мы остановились, везти его по бездорожью не было никакой возможности, люди боялись к нему подходить. Да мы бы его и не довезли, вероятнее всего. Тут начал я вспоминать все, что когда-либо слышал о холере. Вспомнил самую малость. Я ведь не врач, а инженер. Но была небольшая информация. Когда на третьем курсе института я сильно увлекался философскими вопросами научной деятельности, прочитал я как-то небольшую статью о причинно-следственных связях. И автор там привел пример эффективного воздействия на закрытую систему. Нестандартный такой пример, из медицины. Сказано там было нечто вроде того, что можно лечить причину болезни, то есть уничтожать микробы антибиотиками, а можно следствия, например, борясь с обезвоживанием при холере. Результат будет один и тот же. При благоприятном исходе — выздоровление. И вот эту

совершенно не медицинскую информацию я принял за основу своих дальнейших действий.

Сначала я выгнал всех из будки, где лежал больной. Затем свернул в длину полотенце, облил его водкой, которую мы собирались выпить вечером и, заложив внутрь полотенца носовой платок, обвязал это сооружение вокруг лица, прикрыв рот и нос. После этого я вылил всю минеральную воду в ведро, туда же насыпал полпачки соли и сказал местному представителю: "Хочешь жить — ты должен это выпить".

Нам нужно было проехать около ста пятидесяти километров до ближайшей больницы. Изыскатели сидели в кабине, мы с больным в будке. Водитель гнал как мог, и мы довезли его живым. Довезли, сдали врачам и немедленно уехали, не оставив обратного адреса. Никому не хотелось сидеть в обсервации 2-3 недели. Как долго я мылся и сколько принял на грудь в этот вечер, — это отдельная тема. Но никто больше из нас не заболел. Повезло.

Вернулись домой и забыли. А вот уже следующий раз я встретил своего пациента в министерстве через десять лет. Он уже там у себя начальником стал. Как принялся он нас угощать — еле отбились. Но одну он умную вещь тогда сказал после пятой рюмки: "Тонка, но крепка нить, на которой держится жизнь человека; не перегружайте ее — и проживете долго".

А я себе при этом вспомнил слова булгаковского Иешуа о том, что оборвать нить человеческой жизни может лишь тот, кто ее подвесил. А вы как думаете?

Симферополь

